

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

НАУКА И ЛЮБОВЬ: К ПРОБЛЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ГУМАНИТАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

И. С. ХУГАЕВ

Преамбула

Сказать откровенно, я не знаю, существует ли какая-нибудь современная методология гуманитарного исследования именно как некая *устойчивая научная традиция*, с которой современные гуманитарии так или иначе соотносятся. В современном мире нет даже общего представления о *гуманности* и *гуманизме*; откуда взяться единой методологии *гуманитарного* исследования?

С другой стороны, если мы здесь собрались, это тоже о чем-то говорит. Даже если мы таким образом выдаем желаемое за действительное: с точки зрения гуманитарного исследования желание и иллюзия так же реальны, как обладание; *желаемое всегда* тем самым *действительно*.

Сформулировав название этой «Школы-семинара», ее организаторы дали феномену современной методологии гуманитарного исследования *реальное существование*.

Я желаю стать этой Школе-семинару *научной школой*.

1

Обдумывая свое сообщение, я поймал себя на мысли, что я не хочу ставить себя в положение человека, который не сомне-

* Доклад, зачитанный на пленарном заседании школы-семинара молодых ученых «Современная методология гуманитарного исследования» (Владикавказ, 12 февраля 2013 г.).

вается в том, что владеет современной методологией гуманитарного исследования и твердо знает, что это такое.

Между тем в самом названии Школы-семинара я увидел определенную провокацию, – и я решил на эту провокацию поддаться: я попробую рассмотреть *понятие современной методологии гуманитарного исследования с гуманитарной точки зрения*. Я не претендую на строго академическую классификацию и квалификацию понятия, а только отрефлексирую наиболее волнующие меня аспекты, не заботясь о какой бы то ни было предварительно намеченной схеме или *методологии*.

В этом смысле настоящее сообщение будет, возможно, дублировать некоторые положения моего прошлогоднего доклада на Президиуме ВНЦ «Филологическая рефлексия эпохи технологий» [1]; но, поскольку вы его не слышали и не читали, вы не сможете обвинить меня в тавтологии.

2

Отмечу, что название нашего семинара актуализирует, из числа современных исследований, только, пожалуй, два: монографию А. В. Павлова «Логика и методология науки: современное гуманитарное познание и его перспективы» (М., 2010) и коллективную монографию под общей редакцией профессора А. В. Водолагина «Методология социально-гуманитарного исследования» (М., 2008). Если верить рецензенту, авторы этих монографий стремятся к комплексно-

му анализу социально-гуманитарного знания, констатируя прежде всего, что 1) «своеобразие социально-гуманитарных наук неразрывно связано с их многообразием», 2) «своеобразие социально-гуманитарных наук... проявляется в развитии междисциплинарных исследований» [2].

Не знаю, можно ли сказать, что своеобразие гуманитарных наук неразрывно связано с их *многообразием*, и точно ли оно связано с ним *неразрывно*; но примерно таков понятийный аппарат современного гуманитарного знания: схоластично, предсказуемо, скучно. И потом: неужели *только* гуманитарные науки характеризуются множественностью и наличием междисциплинарных исследований?

В чем же состоит *коренное отличие* гуманитарных наук?

В *языке* этих наук.

3

«В начале было Слово»: вот важнейшее основание законности филологического и гуманитарного исследования и один из его важнейших методов. Логосом-Словом не раз спасали пророки грешный мир. Гуманитарное исследование – это исследование прежде всего путем *вербализации проблемы*. Формулировка для гуманитария – то же, что формула для математика; дефиниция есть аналог алгебраического уравнения (как, например, и эта дефиниция дефиниции).

У каждой науки есть свой язык (то, что в названии науки обозначается «логос» – ом); есть вообще *язык науки*, есть математический язык цифр, символов и обозначений (из которых тоже складываются фразы, предложения и смысловые абзацы); но только гуманитарий пользуется *национальным языком* как таковым и во всей его полноте.

Этим объясняется *диалогический характер* и воспитательное значение гуманитарного знания. Алгебра оказывает воспитательное воздействие только на человека, который занимается алгеброй. А гуманитарная наука в основе своей уже содержит некий *педагогический элемент*, она направ-

лена на аудиторию, обращена ко всем носителям языка.

Пусть далеко не каждый постигает язык науки, но *науку языка* постигают все. Язык (и, соответственно, метод) гуманитарной науки – самый *демократичный* из всех научных языков.

Этим соображением я, естественно, пытаюсь обосновать свою свободу.

4

Разделим проблему на две части: «современная методология гуманитарного исследования» включает в себя категории *современной методологии* и *гуманитарного исследования*.

Существует негласное общее убеждение, что современная научная методология есть та методология, которая стоит на уровне самых свежих гносеологических доктрин. Но ведь таковые должны быть практически апробированы временем. *Новейший метод не значит лучший метод*, и вполне вероятно, что он окажется не более чем модным поветрием. Наука подтверждает мудрость фольклора: здесь тоже «один старый друг лучше новых двух», а «все новое – это хорошо забытое старое».

Особенно это касается гуманитарных наук, где подлинные *методологические революции* случаются очень редко и где периоды черновой исследовательской работы, чисто количественного накопления и архивации научного материала растягиваются на целые исторические эпохи.

У нас, гуманитариев, много методологий и методов (я их не буду перечислять), и тот, кто действительно исследует и проясняет что-то новое, наверняка пользуется некоторыми из них. Никто в ходе исследования не рассуждает, например, таким образом: «Ага, здесь надо будет использовать социологический подход, а здесь – сравнительно-исторический».

Лучше всего (как для исследователя, так и для исследования), когда тот или другой метод избирается *непроизвольно*; когда он даже не избирается, а берется *машинально*, как рука ремесленника хватается нужный в данное время инструмент. Метод сам воз-

никает из живого наблюдения за объектом, из живого взаимодействия с предметом исследования. С точки зрения психологии творчества *метод есть способ контакта субъекта с объектом.*

При этом надо иметь в виду, что многие владели многими методами, но при этом остались вне всяких методологий. Методология – это не набор методов, а *система методов плюс инструкция по их применению.* Но и верная методология не гарантирует успешного исследования.

А если исследование не задалось, нельзя оправдаться тем, что мы избрали неверную методологию. *Мы и есть методология.* Мы и наша методология – одно и то же.

Методичность и методологичность обуславливаются *личным* научным, духовным и жизненным опытом исследователя.

Моя методология – это мои *любимые* писатели и поэты, мои любимые философы и филологи, историки и этнологи. Моя методология – это мой угол зрения, определяемый моим опытом, этнокультурой, к которой я принадлежу. Моя методология – это мои индивидуальные приемы конструирования текста на всех уровнях – от фразы до целого, от синтаксиса до архитектоники.

Если моя методология работает, это современная методология.

Современна не та методология, которая вчера запатентована, а та, которая *работает*, которая *позволяет вскрыть характерные черты современности*, хотя бы этой методологии было две тысячи лет от роду.

Библия и Коран написаны очень давно; но это свод актуальнейших методологических основ гуманитарного познания мира и человека.

5

Что же такое гуманитарное исследование? Очевидно, это исследование законов индивидуальной, общественной (народной) и всечеловеческой жизни преимущественно с их *метафизической* точки зрения, со стороны их *духовного и разумного бытия.* Мы говорим о метафизической стороне в смысле ее оппозиции не диалектике, а именно физике, физической, веществен-

ной и материальной стороне бытия человека. Культура, язык, фольклор, литература, искусство, история, закон и право – эти вещи нельзя потрогать, и, тем не менее, они познаваемы, – и познаваемы *гуманитарно.*

Чем *формально-логически* гуманитарное исследование отличается от естественнонаучного изучения мира? Со стороны субъекта – ничем: тот же познающий разум. Со стороны объекта – частично: «*метафизический*» человек. Со стороны же приемов и инструментария (включая указанный выше *вербальный* аспект) – радикально.

Но главное отличие гуманитарной науки (помимо языка и в связи с языком) – в ее *пафосе.*

Если это более или менее верно в целом, то вы можете спросить: что же такое *пафос* науки?

6

Есть ли вообще в науке какой-нибудь пафос? Безусловно, есть: то, что лишено пафоса и воли, не существует (в материальном мире на место пафоса и воли становится вес, энергия). Если же предположить (это кажется справедливым), что во всякой науке присутствует любовь, во-первых, к *познанию*, во-вторых, к *предмету познания*, то, очевидно, *только в гуманитарном исследовании пафосом выступает любовь к человеку и человечеству*, – что важно, не только как к биологическому виду.

Любовь, вероятно, и есть истинный пафос познания, но заметим, пусть не без улыбки, что названия только двух наук несут любовь в своем морфологическом корне – *философия* и *филология.* И обе они относятся к гуманитарной области знания.

Только здесь, в гуманитарной сфере, любовь встречается с наукой.

С точки зрения пафоса и темперамента гуманитарные науки – это науки *теплые.* В отличие от *холодно-рассудочных* негуманитарных дисциплин.

7

Когда соединяются наука и любовь, наука теряет все свойства точной дисциплины, она тоже превращается в романтика и идеа-

листа, как влюбленный человек. Поэтому во всех гуманитарных науках закономерно и исподволь возникает требование не только ясности изложения, но и минимальной *эстетичности* изложения. Эстетика для гуманитарной науки не самоцель, но тоже один из важнейших *методологических приоритетов*. Хорошая, глубокая мысль – это хорошо; хорошая мысль, оформленная пластически, образно, выразительно – это отлично.

Обратите внимание, что настоящие образцы гуманитарного исследования (в широком смысле) написаны прекрасным и образным, полным метафор и аллегорий, афоризмов и парадоксов языком: помимо того, что это наука, – это еще и *первоклассная литература*.

Гуманитарная наука – это наука плюс еще что-то. Чем же может быть это что-то, как не областью интуитивной, ассоциативной, душевной? *Гуманитарная наука – это наука пластическая и органическая.*

8

Однако в виду указанной *отвлеченности* и *имманентного субъективизма* гуманитарного суждения, его уязвимости для, так сказать, критики чистого разума, это суждение во все времена вызывало недоверие общества, и не раз ставился вопрос: нужна ли вообще гуманитарная наука и философия?

Негуманитарный мозг никогда не поймет и не оценит тех оперативных и аналитических возможностей, которыми обладает гуманитарная методология (здесь имеется в виду не недостаток гуманитарного образования, а отсутствие развитого гуманитарного мировосприятия как *таланта*, которым были, как мы знаем, наделены многие выдающиеся – и, как правило, наиболее выдающиеся – «естествоиспытатели»).

Чтобы понять, как работает гуманитарное исследование, вспомним Ясперса, именно его рассуждение о правомерности филологической критики Евангелия. Фактически же речь идет о том, в каком отношении состоит филологическое познание с истиной. Ясперс утверждает, что в основе

скептических взглядов на филологический инструментарий «лежит неверное понимание подлинного смысла филологии. Они исходят из ложной предпосылки, будто филология познает суть вещей. Но хорошая филология тем-то как раз и высвечивает подлинную суть и смысл, что *не претендует* (здесь и далее курсив мой – И. Х.) на их познание... За всеми передними планами..., контекстами, мыслительными схемами, по мере того, как филология их выявляет, все более ясно проступает *существенный смысл*, субстанция, если, конечно, она есть, и, конечно, только для того, *кто способен ее увидеть*. Филологическое знание разрушает лишь *ложное* видение, и там, где оно поработало всего интенсивнее, оно открывает суть, ибо она одна остается в области подлинного незнания» [3, 22].

9

Точность этого пассажа тоже не каждый может увидеть, хотя даже эта точность нуждается в уточнении. Ясперс определил только *отрицательный принцип* гуманитарного (филологического) исследования как отделение семян от плевел, без обнаружения самих семян, – так, словно в языке как методе есть названия только для плевел; так, словно и сами слова – не более чем плевелы. *Положительный* же принцип гуманитарного исследования определяется тем, что слово – это чистый дух; и даже для чистого духа есть в языке свое имя.

Каждой идее из бесконечного числа идей соответствует одна-единственная форма из бесконечного множества возможных форм. В этом состоит конгруэнтность и синонимичность формы и содержания, и этим законом гарантируется *математическая точность гуманитарных дисциплин*.

Как бы то ни было, определенная часть современных гуманитариев не поймет, о чем здесь говорит Ясперс, и, таким образом, на самом деле останется в области *подлинного незнания*. О подлинном незнании свидетельствует и часть публикуемых сегодня авторефератов диссертаций (и научных «сочинений» других жанров) в области гуманитарных наук. В чем их характерная

особенность, что дает нам сразу почувствовать и понять, едва полистав ту или иную работу, что здесь мы не встретим ни науки, ни любви?

Н. А. Бердяев сетовал на то, что было время, когда писали *что-то*, а его современники пишут только *о чем-то*. «Наша эпоха потому, быть может, так «научна», – говорит он, – что наука говорит *о чем-то*, а не *что-то* (выделено в оригинале. – И. Х.). Мало кто уже дерзает писать так, как писали прежде, писать *что-то*, писать свое, свое не в смысле особенной оригинальности, а в смысле непосредственного обнаружения жизни (здесь и далее курсив мой. – И. Х.) (...) Нашу эпоху разъедает болезненная рефлексия, вечное сомнение в себе, в своих правах на обладание истиной... не осмеливаются слишком страстно... объясняться в любви к чему-то и к кому-то, мямлят, колеблются, боятся, оглядываются на себя и на соседей... Все эти печальные симптомы... характерны для критических эпох. Лишь органические эпохи имеют дерзновение в вере, в любви, в избрании... Прославленная научная добросовестность, научная скромность, научное самоограничение нашей эпохи слишком часто бывает лишь прикрытием слабости, робости, безволия в вере, в любви...» [4, 3]

10

По классификации Бердяева мы тоже живем в критическую эпоху, а не в органическую. А критичность эпохи всегда свидетельствует о кризисе гуманитарного познания, о кризисе любви, о «кризисе мировой совести» [5, 23], о бездуховности и бесстрастности. Сегодня бесстрастные мнят себя беспристрастными. Но гуманитарий должен быть *пассионарием*.

Кризис гуманитарной сферы наступает, когда гуманность отнимают от *гуманитарности*. Гуманитарное исследование психологически сродни художественному творчеству: здесь *вдохновение важнее метода*. Но откуда взяться вдохновению, если нет любви? Вот где корень кризиса.

Современная гонка политических и медийных технологий, направленная на

искоренение национальных традиционных культур и формирование сугубо *массовой потребительской культуры*, показывает, насколько гуманитарий сдал позиции. Мы уже слишком привыкли требовать и ожидать друг от друга только самых *деликатных* и *обтекаемых* формулировок, не научного языка, а *научообразного* языка, терминов, по выражению Жан-Поля, «бескрайних, как море» [6, 57], и предпочитаем настолько широкие дефиниции частных явлений, «что даже само бытие только плавает в них» [6, 57].

Мы уподобляемся тем поэтам, которые, по Ницше, нарочно «мутят свою воду, чтобы глубокой казалась она» [7, 93].

11

В науку следует идти не за знанием, а *со знанием*. Мы должны приходить в науку уже с какой-то навязчивой идеей, со своей любимой темой, хотя бы с некой *иллюзией*. У природного гуманитария, как у влюбленного, должны быть свои иллюзии.

Увы: этот мир принадлежит прагматикам; и гуманитарии тоже становятся прагматиками: всем, как говорится, надо жить. Но если все будут жить, кто же будет *работать*?

Вот вопрос, который задает себе современный *Дон Кихот*, или *Гуманитарный идеалист*.

12

Кризис методологии гуманитарного исследования выражается и в том, что растущий объем исследований не проясняют нам гуманитарную картину мира, а вносят в нее *путаницу* и *многоглаголанье*. Науку отрывают не только от любви, но и от *диалектики* как основополагающего принципа суждения и познания. И. А. Гобозов отмечает, что «применение диалектической методологии у нас перестало быть нормой научного дискурса»; что, «следуя конъюнктуре, некоторые гуманитарии стали забывать о рациональности диалектического метода» (цит. по: [2]).

Это приводит к тому, что в науке нашей мало собственно *процесса*, недостаточный

обмен веществ (верим ли мы в писания друг друга, читаем ли друг друга?). *Механическое* цитирование бессмысленно и, будучи направлено на выполнение объема работы, в сущности, мало чем отличается от *плагиата*.

Сошлюсь для наглядности на литературный транслингвизм, который принадлежит к числу приоритетных сегодня литературоведческих проблем. Высокими темпами растет материал научного оборота, – но это, по абсолютно точному и честному замечанию У.М. Бахтикиреевой, не гарантирует успеха «предпринимаемым попыткам создания устойчивой классификации» явления. Все более очевидно, что вопрос «что есть на самом деле?» гораздо более актуален, нежели «что сказали об этом предшественники?» [8, 12].

За научными штудиями мы забываем не только о самой жизни, но и о предмете изучения и цели его изучения. Мы все больше похожи на того чеховского профессора, который утверждал, что «не Шекспир главное, а примечания к нему» [9, 370].

Говоря о науке, забывшей свое назначение, Лев Толстой писал: «...всем этим с величайшей важностью передаваемым друг другу исследованиям конца нет и не может быть, потому что делу бывает начало и конец, а пустякам не может быть и нет конца» [10].

13

Главная наша опасность – это «*наука для науки*» и *наука для регалий и ученых степеней*. Из страха перед *коснеющим академизмом* бежали из системы науки многие крупные мыслители и ученые. Например, Ницше, который, устав от филологического переливания из пустого в порожнее, выразился следующим образом: «С глубокими проблемами у меня обстоит так же, как с холодной ванной, – мигом туда, мигом обратно» [11, 706].

Это и есть, по Ницше, «*веселая наука*». Если гуманитарий скучает, значит, его наука отходит все дальше от реальной жизни. «Мы иссушили ум наукою бесплодной» [12, 30]: это и есть, по Лермонтову, «*скучная наука*».

14

Что же такое *наука для жизни*, и какая нам нужна гуманитарная наука? Мы узнаем это, если посмотрим, что пишет Л.Н. Толстой о том, какова должна быть не только гуманитарная, а наука вообще.

Толстой подходит к проблеме рационалистически: «Наука... есть... знание того, что нужно делать всякому человеку для того, чтобы как можно лучше прожить в этом мире...», чтобы «знать, что точно хорошо всегда и везде и всем людям и что точно дурно всегда и везде и всем людям, т.е. знать, что должно и чего не должно делать. В этом, и только в этом, всегда и была и продолжает быть *истинная... наука*» [10].

То есть, подлинная наука есть учение о том, «*что такое хорошо и что такое плохо*». Подлинная наука учит не тому, как стать богатым, а тому, как стать *счастливым*.

15

Для гуманитарного познания главный вопрос, обращенный к человечеству, состоит не в том, стало ли оно технологичней, здоровей, многочисленней и т.п., а в том, стало ли оно *лучше*. Стало ли оно в большей мере соответствовать им же самим выработанному и выстраданному *Идеалу*. Это очень трудный научный и философский вопрос, но ведь все остальное, в виду *такого* вопроса, не имеет значения.

«Мы все должны любить друг друга или умереть» [13, 136]: наше достоинство определяется тем, как мы решаем дилемму Уистена Одена, которая каждый раз застаёт нас врасплох.

С точки зрения гуманитарного познания *цель человечества – человечность*. На достижение этого идеала и работает гуманитарная наука.

16

Помимо гуманитарного идеализма и гуманитарного идеала я ввел бы еще в обиход понятие «*гуманитарного человека*». Что такое гуманитарный человек? Это такой человек, который верит если не Бога, то в добро, которое обязательно победит.

Гуманитарный человек должен быть оптимистом и гуманистом. Если вы узнаете про кого-то, что он держит *камень за пазухой*, знайте, что это не гуманитарный человек.

17

Махатма Ганди говорил, что главная опасность коренится в «*науке без гуманности*» (цит. по: [14]). Там, где науку отнимают от нравственности, там, где науку мыслят без нравственности, начинается *наука безнравственности*. Наука без гуманности – это машина с одной педалью (акселератора), без тормозов и руля управления.

С точки зрения техногенной цивилизации гуманитарная наука, апеллирующая к отвлеченным идеалам совести, *реакционна*. Но именно в этом и заключается ее *прогрессивность*. Ибо чисто техногенный прогресс – это «быстрый прогресс в направлении к явному звероподобию» [15, 423].

Самое время сбросить газ и жать на тормоз. Впереди опасные ухабы. Леви-Стросс предостерегал: «XXI век будет веком гуманитарных наук – либо его не будет вовсе» (цит. по: [16]).

Есть науки, которые служат тому, чтобы человек был, что называется, сыт и доволен, как кот. Но ведь человек не кот, «человек (по выражению известного горьковского люмпена) – выше сытости», не так ли? Тем более, когда мы наелись: ведь надо же что-то делать с этой сытостью. Можно подумать, например, о душе, о вечном.

Не провозгласить ли нам с вами, здесь и сейчас, *гуманитарную эпоху человечества?*.. Тогда еще два заключительных параграфа к его гипотетическому манифесту.

18

В каком отношении состоит наука с *нравственностью*? Математическая формула может быть неточной, но не может быть аморальной. Гуманитарная формула может быть и *неточной*, и *аморальной*. Помимо решения сугубо научных проблем, гуманитарный исследователь решает и проблемы *гуманистические*; во всякий момент он находится в точке *нравственного и эстетического выбора*.

Гуманитарное познание несовместимо с *цинизмом*. История человечества дает достаточно поводов к тому, чтобы *презирать* человека; но гуманитарная наука и гуманитарное сознание (и религия и искусство), непрестанно пристыжая человека, утверждают в то же время: *нет*, еще не вечер; не все потеряно; человек еще может быть прекрасен, человек должен быть прекрасен, человек будет прекрасен.

Если мы перестаем верить в гуманитарную науку, то это верный признак того, что мы перестаем верить в человека.

19

Поставлю, наконец, вопрос, подобающий нам как гуманитариям пограничной культурной зоны, где традиционно активно взаимодействуют разные культуры, религии и языки: как соотносятся гуманитарная наука и *национальность*?

Вообще ведь понятие гуманитарности восходит к научному самоназванию человеческого рода. Значит, гуманитарное знание принадлежит человечеству как целому. Но при всем общечеловеческом характере гуманитарные науки служат в первую очередь *своему народу*, своему государству и работают от имени и во имя *своей национальной культуры*, частью которой они являются.

Естественнонаучные дисциплины *индифферентны* к национальной культуре (химик не обязан знать родную литературу и историю); по методу и предмету эти науки *космополитичны*; а науки гуманитарные неотделимы от *патриотического пафоса* (любви к своей родине как частного явления пафоса любви). Я называю это *научным (гуманитарным) патриотизмом*.

Гуманитарный патриотизм основывается на соображении, что «путь к общечеловеческому лежит через национальное» и для того, чтобы стать представителем человечества, надо быть лучшим представителем своего народа» [17, 550], что *сохранение национальности есть первый шаг к сохранению человечества*.

Я верю, что из гуманитарного патриотизма разовьется *гуманитарная глобализация*.

ция, которая превозможет глобализацию буржуазную, общепитовскую.

В самом деле: чем страшать друг друга их глобализацией, лучше устроить свою глобализацию, гуманитарную.

До сих пор мы говорили «культура в условиях глобализации»; предлагаю Школке-семинару лозунг – «Глобализация в условиях культуры». Глобализация, пропущенная через фильтры культуры, не опасна.

Часто мы ломаем копыя по поводу национальной идеи. Я не вижу здесь проблемы. Культурный народ может быть уподоблен личности; значит, идея народа не может принципиально отличаться от идеи и жизненного плана, от желания и воления отдельного культурного человека. Именно от личной идеи надо идти к национальной, а не наоборот.

Что же должен делать отдельный культурный человек и чего он должен хотеть? Личная (личностная) идея культурного человека заключается в том, чтобы честно делать свою работу, любить и кормить своих младших и своих старших и жить в мире со своими соседями. Ничего другого не надо и никакому народу.

Резюме

Что такое современная методология и гуманитарное исследование как такое, мы сказали в начале; что же такое современное гуманитарное исследова-

ние, каковы важнейшие требования к нему?

Современное гуманитарное исследование – если понимать под современностью критерий действительной пользы – это 1) исследование не только самостоятельное (это минимум), но честное и добросовестное; 2) исследование, направленное на укрепление национальной культуры и межкультурного диалога; 3) исследование, написанное хорошим языком.

Давайте ответим пока этим требованиям, а потом поставим и другие, более тонкие.

Говоря о кризисе гуманитарной сферы, я нарисовал, быть может, несколько сумеречную картину. Но я, по крайней мере, вербализовал проблему: культура предполагает культ, но культура не культивируется. Сейчас культивируется то, что нашими предками предавалось заклятию.

Современным миром руководят купцы и продавцы. А где же благородное жречество, новая аристократия, каста гуманитариев?

Вот все тезисы, пробужденные к жизни постановкой вопроса. Вся моя реакция на вашу провокацию.

Не знаю, использовал ли я здесь какую-нибудь гуманитарную методологию. Возможно, что я много говорил, но мало сказал, или что я сказал обо всем – и ни о чем. Что ж: это тоже в природе современного гуманитарного исследования.

1. Хугаев И. С. Филологическая рефлексия эпохи технологий: маргинальные пассажи // Вестник ВНИЦ. 2012. № 3. С. 2-7.
2. Храпов С. А. Методология социально-гуманитарного исследования в современной науке. Рецензия на коллективную монографию: Водолагин А. В., Гобозов И. А., Волкова А. Н., Отюцкий Г. П., Меликов И. М., Шмакова Л. Е., Курабцев В. Л. Методология социально-гуманитарного исследования/Под общей редакцией д.ф.н. проф. А. В. Водолагина. М., 2008. – URL: http://ni-journal.ru/archive/14928136/n_5_2009/fdce2fce/450561e2/ (Дата обращения: 02.02.13.)
3. Ясперс К. Ницше и христианство. М., 1994.
4. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
5. Искандер Ф. Совесть – разум души // Мир Кавказа на рубеже столетий. Материалы 1-го заседания «круглого стола» по проблемам Кавказа и роли культуры в преодолении кризиса. М., 2001.
6. Жан-Поль. Подготовительная школа эстетики. М., 1981.
7. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2.

8. *Бахтикиреева У.М.* Русскоязычие и би (поли) лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века // Русскоязычие и би (поли) лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты: Материалы IV Международной научно-методической конференции. Пятигорск, 2011.
9. *Чехов А. П.* Записные книжки // Чехов А. П. Собр. соч.: В 12 т. М., 1985. Т. 11.
10. *Толстой Л. Н.* О науке // Толстой Л. Н. Педагогические сочинения. М., 1989. – URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0760.shtml (Дата обращения: 28.01.13).
11. *Ницше Ф.* Веселая наука // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
12. *Лермонтов М. Ю.* Дума // Лермонтов М. Ю. Избранные произведения: В 2 т. М.-Л., 1964. Т. 2.
13. *Оден У.Х.* 1 сентября 1939 года // Оден У.Х. Собрание стихотворений. СПб., 1997.
14. *Изразцов В.Н.* Совесть как основа геодуховности и геополитики. – URL: <http://www.spsl.nsc.ru/~m1-way/izr/sovst/izr2.htm> (Дата обращения: 29.01.13)
15. *Соловьев В. С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
- 16.: *Автономова Н. С.* Клод Леви-Стросс – in memoriam: уроки структурной антропологии и гуманизм XXI века Вопросы философии. 02.09.2010. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=191&Itemid=52 (Дата обращения: 30.01.13)
17. *Абаев В. И.* Осетинский народный поэт Коста Хетагуров // Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.